

Ноктюрн для призрака

СЕНИЯ
МУР

18+

СВЯЗЫВАЕТ
СУДЬБЫ,
СТИРАЯ
ГРАНИЦЫ
МИРОВ

Сения Мур

Ноктюрн для призрака

Серия «Готическая коллекция тайн»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74634896
Мур Сения. Ноктюрн для призрака: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-255934-1*

Аннотация

Готический роман в альтернативном XIX веке с атмосферой изоляции и мрачных островных легенд.

Откройте дверь в Эвермур – и приготовьтесь узнать, сколько тайн способны хранить мёртвые и сколько лжи скрывают живые.

Виолетта, талантливая пианистка, получает неожиданное наследство – старинное поместье Эвермур, расположенное на отдалённом острове. Поместье имеет мрачную репутацию: в нём обитает призрак жестокого герцога Эвермура, который, по слухам, убил свою жену. Виолетта решает переехать в Эвермур, надеясь обрести покой и вдохновение. Однако, прибыв на остров, она сразу же ощущает чужое присутствие. Таинственные шорохи, холодные потоки воздуха, необъяснимые видения – всё говорит о том, что она здесь не одна. А её музыка – единственный ключ к смертельной тайне, которая должна пролить свет на события прошлого. Кто же убил жену герцога? И почему местные жители перестали находить покой в обществе молодого пастора?

«Готический роман, который разобьёт вам сердце. Любовный треугольник, тайны старого особняка, герои, которых хочется обнять, и атмосфера, будто сошедшая с экрана мультфильма Тима Бёртона». – *Анви Рид, автор книги «Общество мертвых и исключительных»*

Содержание

Пролог	6
Глава 1	20
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сения Мур

Ноктюрн для призрака

© Мур С., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

*Для всех, кто верит в неслучайность встреч,
кто чувствует связь души и кто знает, что рядом
всегда струится невидимая нить, дарующая силу*

Пролог

Я стояла перед заброшенным зданием. Холодный ветер пронизывал до костей, словно пытался прорваться сквозь слои одежды. По коже пробежали мурашки, вынуждая плотнее закутаться в пальто. Я принялась: ветер нёс с собой не только запахи прелой листвы и сырой земли, но и какой-то странный, едва уловимый аромат ладана и... гнили.

Особняк Эвермур возвышался передо мной. Если бы мне кто-то сказал, что он мрачноват, я бы истерически захохотала. Мне хватило одного взгляда, чтобы захотеть унести отсюда ноги, бежать не оглядываясь. Казалось, будто сама природа отвернулась от него, оставив голые ветви деревьев царапать своими когтями и без того потрескавшиеся стены. Камень, из которого он был построен, почернел от времени и сырости, местами порос мхом и лишайником.

Высокие стрельчатые окна казались живыми, глядящими на меня с укором и предостережением. Они были местами заколочены досками, которые не давали заглянуть внутрь, а в тех, где виднелись стёкла, отражалось лишь мутное небо. Наверное, когда-то сквозь эти окна проникал солнечный свет, озаряя балы и званые вечера. Теперь же в них поселилась лишь вечная тьма.

Кованые ворота, ведущие на территорию поместья, покосились и заржавели. Было видно, что когда-то они были

украшены сложным орнаментом, но сейчас от него остались лишь обломки, переплетённые с диким виноградом. Лоза, словно змея, обвивала решётку, пытаясь задушить её в своих объятиях.

Над входной дверью, полускрытой в тени высокого крыльца, виднелась выщербленная каменная табличка с гербом семьи Эвермур. На ней был изображён ворон, сидящий на черепе. Жуткое зрелище. Не удивлюсь, если герцог, живший здесь прежде, был проклят задолго до убийства своей супруги. Я поморщилась и отвернулась. Мне почудилось, будто ворон смотрит прямо на меня, словно знает, что я здесь чужая, что я потревожила его вечный сон.

Как же моя жизнь пришла к этому?

В груди свинцом разливалась тоска. А ведь всего несколько дней назад всё было иначе.

Обычный субботний вечер. Я сидела за своим любимым пианино в главном зале. Сколько мелодий было сыграно моими пальцами на этих клавишах – не счесть.

Музыка – моя жизнь, мой воздух.

С детства я слышала от семьи, что наделена талантом. Возможно, это прозвучит самодовольно, но это знание всегда жило внутри. Когда я была младше, то мечтала профессионально выступать на большой сцене и собирать толпы восторженных слушателей, но, к великому сожалению, я родилась женщиной. А женщина-музыкант в наше время – по-

что позор. Играть дома? Пожалуйста. Играть в салоне во время приёма гостей? Разумеется. Но быть музыкантом – нет.

Пальцы аккуратно и нежно нажали на клавиши.

Первые аккорды ноктюрна № 2 Фридерика Шопена полились по комнате, словно шёпот ветра в ночном саду. Закрыв глаза, я позволила музыке унести меня в мир грёз и печали.

Каждый звук был вздохом моей души, каждая нота – каплей тоски по несбыточному.

Пальцы легко скользили по клавишам из слоновой кости, переплетаясь в сложной мелодии.

Шопен понимал женскую душу, как никто другой. Его музыка была признанием в чувствах, которые я никогда не смогла бы выразить словами.

Я ощущала, как горечь обиды и смирение переплетаются в сердце. Быть женщиной – значит быть лишённой возможности полностью раскрыть свой талант, жить в тени мужского мира. Но музыка – единственная свобода. В ней можно быть какой угодно: страстной, сильной, нежной, любящей... Мелодия лилась, захватывая своей красотой и печалью. Мне почудилось, будто маменька и папенька замерли, слушая. Наверное, даже они в глубине души понимали, что это не просто развлечение, а самый настоящий крик души.

Дыхание перехватило, а взгляд ещё несколько долгих минут, словно приклеенный, изучал собственные пальцы. Сегодня я дала слабину, поддалась буре эмоций. И всё из-за чего?

Несколько дней назад мой жених, чёртов Томас Воклер, изрёк: «Музыка – занятие для мужчин, как, впрочем, и всё остальное. Твоё дело быть красивой. Не понимаю, для чего так из кожи вон лезть».

До сих пор помню его сальную ухмылку и похотливый взгляд, скользнувший по груди, едва прикрытой декольте. Как же я жалела, что не могла вlepить ему пощёчину прямо на балу. Эти правила, заставляющие быть милой куколкой, выводили меня из себя. От одной только мысли, что в моей жизни всё так и останется, зубы сводило.

Маменька аккуратно подала голос, вырвав из бури мыслей. Она всегда умела деликатно выводить меня из водоворота мыслей, в который так легко было погрузиться. А находиться в своей голове я любила часто.

– Ветта, ты уверена, что справишься без нас?

Я перевела взгляд – мои зелёные глаза встретились с абсолютно такими же. Смоляные, безупречно уложенные волосы обрамляли лицо матери с тонкими, аристократическими чертами. Кожа, бледная, как лунный свет, делала её похожей на девушку с полотна старинного мастера.

Её красота всегда вызывала восхищение.

Нахмутив тонкие брови, я попыталась уловить, о чём речь. В голове царил хаос, но постепенно я вспомнила. Завтра утром они с отцом отбывают на остров Дальри.

– Кстати, а где именно находится этот Дальри? – спросила я, запоздало понимая, что до сих пор не поинтересовалась

этим.

Матушка едва заметно пожала плечами, поправляя кружевной воротник:

– Где-то в северных водах, милая. Какой-то клочок земли, доставшийся в наследство твоему отцу от дальнего родственника. Честно говоря, я и сама толком не знаю. Папенька не любит об этом говорить.

Ответ показался мне смутным, но я не стала настаивать. Мысли вновь возвращались к Томасу и моей проклятой участи.

– Да, справлюсь. Что со мной может случиться?

Я еле сдержала порыв закатить глаза. Мне уже двадцать, через пару месяцев я стану женой этого ублюдка Томаса, а родители всё ещё относятся ко мне как к ребёнку. С тихим скрипом я отодвинула банкетку.

Отец сидел с непроницаемым лицом, уткнувшись в газету. словно он не делал этого на протяжении всего дня. Иногда мне казалось, что он просто хотел выглядеть серьёзным и занятым, чтобы матушка лишний раз его не дёргала.

Шустро приблизившись к родителям, я обняла их, невольно коснувшись щекой сначала матери, а затем и отца. Папенька оторвал свой холодный взгляд от газетных строк, и в его глазах мелькнуло тепло. Он погладил меня по плечу.

– Мы уедем в четыре утра. Пожалуйста, не нарушай свой режим и не провожай нас. Напишем письмо, как только доберёмся до острова.

Кивнула – непослушная прядь чёрных волос упала на глаза, и я небрежно смахнула её.

– Хорошо. Будьте осторожны в пути.

Вечер тянулся медленно, словно патока. Пришлось бродить вдоль высоких окон, за которыми простирался ухоженный сад, уже тронутый осенней позолотой. Луна, полная и яркая, заливала пространство мягким, прозрачным светом.

Родители ещё не уехали, а в груди уже поселилась дикая тоска.

Взгляд зацепился за таракана, ползущего по подоконнику – мерзкого и жалкого. Мысли вновь вернулись к Томасу. Неужели придётся предать мечту о музыке ради его богатства и положения в обществе? К горлу подкатил ком тошноты. Даже ещё не став его женой, я уже чувствовала себя птицей, посаженной в золотую клетку. Красиво, удобно, но свободы нет.

Чувствуя досаду, я поднялась в свои покои. Дверь открылась, и меня захлестнула тоска. Скоро мне предстояло покинуть это место.

Взгляд скользнул по родным pokojам. Первым делом – по высоким потолкам, украшенным лепниной, знакомой с детства. Затем перешёл на стены, обитые гобеленами с изображением сцен охоты – немного старомодно, но любовь к ней привил отец. Каждую осень приходилось хвостиком увязываться за ним и его коллегами, чтобы пострелять. Приятные воспоминания, хоть маменька и не одобряла, твердя, что

нужно изучать вышивку на занятиях с мадам Ривер, а не бегать по лесу с окровавленной тушкой зайца. Я всегда была странным ребёнком.

Окна, высокие и узкие, были затянуты плотными бархатными шторами цвета бургундского вина. Отодвинув одну из них, впустила внутрь робкий свет луны. Сад за окном утопал в осенних красках, его увядающая красота успокаивала и навевала лёгкую грусть.

Почему-то хандра в последнее время стала частой гостьей.

В центре комнаты возвышалась огромная кровать с балдахином, завешенным кружевным пологом. Казалось, что она помнит не одну сотню снов. Прикосновение к тяжёлому бархатному покрывалу оказалось мягким и тёплым. Вздрогнула, когда в голове возникла картинка: я в постели с этим отбросом Томасом.

Поморщилась. Так скоро и морщины появятся.

Рядом с кроватью стоял изящный туалетный столик с зеркалом в позолоченной раме. На нём – серебряный набор для умывания и флакон с моими любимыми духами, цветочно-цитрусовыми. Маленькая, но приятная деталь. Эти духи привёз отец из одной из своих командировок. В памяти всплыло, как подруги на балу завидовали, когда я с гордостью рассказывала о папиной покупке. В углу комнаты стоял письменный стол из тёмного дерева. На его массивной поверхности покоились чернильница, перо и стопка помя-

той бумаги, исчерканной безуспешными попытками нотного творчества.

В последнее время меня съедало мучительное недовольство собственной творческой бесплодностью. Слишком часто, слишком старательно я воспроизводила чужие мелодии, а на что-то своё, оригинальное теперь не хватало сил. Комната, несмотря на старомодную обстановку, дышала уютом и спокойствием. Каждый предмет здесь был пропитан воспоминаниями, согревающими моё сердце.

Я позвала Гарриетт, мою верную служанку, что жила в нашем доме столько, сколько себя помню. Она помогла мне освободиться от тесного корсета и расплела сложную причёску. Я облегчённо выдохнула, когда тёмные пряди рассыпались по плечам. Ненавидела эти чопорные пучки, зафиксированные безжалостными шпильками. Казалось, их втыкают не в волосы, а прямо в череп.

Помассировав онемевшую голову, я пожелала служанке спокойной ночи и опустилась на мягкую перину.

Завтра новый день. С этой мыслью я закрыла глаза, отдаваясь во власть сна.

На следующее утро дом замер в непривычной тишине. Без привычных утренних распоряжений маменьки и громкого чтения газеты папенькой за завтраком обеденный зал казался огромным и пустым. Обычно звонкий смех и оживлённые беседы наполняли это пространство, а сегодня лишь тихий

стук моих столовых приборов нарушал звенящую тишину. Я едва прикоснулась к еде, аппетита не было совсем. Чувство одиночества поселилось где-то глубоко внутри, скребя когтями по душе.

Веду себя как маленькая.

После завтрака решила развеяться и отправиться в салон к мадам Элоиз – лучшей портнихе города. Мысль о новом платье хоть и немного, но отвлекла от мрачных мыслей.

Выйдя из обеденного зала, направилась к лестнице.

– Гарриетт! – позвала я горничную.

Она появилась почти мгновенно, словно ждала моего зова.

– Да, госпожа? – проговорила она, потупив взгляд.

– Приготовь мою карету. И передай кучеру, чтобы ехал к мадам Элоиз.

– Будет исполнено. – Гарриетт поклонилась и быстро ретировалась.

Вернулась в свою комнату, чтобы привести себя в порядок. В зеркале отразились бледное лицо и потухший взгляд.

Думаю, мне нужен отдых от самой себя.

Через несколько минут карета была готова. Лакей открыл дверцу, и я села внутрь. Карета тронулась с уже привычным скрипом колёс и цоканьем копыт, это стало единственным звуком, сопровождавшим меня в этой немой поездке.

Я смотрела в окно, но ничего не видела. Дома, деревья, прохожие – всё сливалось в одно серое пятно.

Поездка показалась бесконечной. Наконец карета остановилась перед ателье. Выйдя, я глубоко вдохнула свежий воздух и постаралась улыбнуться. Сегодня мне нужно новое платье. Как говорила моя тётушка Джози «новый наряд – новая жизнь».

Посмотрим, что ты предложишь мне сегодня, Элоиз.

Войдя в ателье, я сразу ощутила себя в другом мире. Здесь было царство ярких красок, шелеста шёлка и лёгкого аромата духов. Мадам Элоиз, как всегда, встретила меня с распростёртыми объятиями и лучезарной улыбкой.

– Дорогая моя, как я рада вас видеть! – воскликнула она, целуя меня в обе щеки. – Что привело ко мне сегодня? Надеюсь, что-то радостное?

Я постаралась сохранить улыбку. Из радостного у меня сейчас было разве что наличие последних нервных клеток.

– Хочу новое платье, Элоиз. Что-нибудь яркое, запоминающееся. Что-то, что заставит меня почувствовать себя... по-другому.

Мадам Элоиз внимательно посмотрела на меня, словно читала мои мысли. Она всегда умела видеть сквозь маски. Мне стало неуютно: не люблю, когда меня читают как раскрытую книгу.

– Я понимаю, дорогая моя, – проговорила она тихо. – Тогда я знаю, что вам нужно.

Она повела меня вглубь ателье, где на манекенах красовались самые невероятные наряды. Мой взгляд остановился

на платье из ярко-синего шёлка, расшитом серебряными нитями. Оно словно искрилось в лучах солнца, проникавших сквозь большие окна.

– Вот оно! – воскликнула я, не в силах сдержать восторг. – Это именно то, что мне нужно.

Заворожённая, я не могла отвести взгляд от платья – оно было именно тем, что надо! Мгновенно достала кошелёк, и шелест купюр отбросил тень грусти на задворки сознания. Всё же верно говорит моя тётушка.

У Элоиз были мои мерки, она сказала, что платье будет готово через пару дней.

Выпорхнув на улицу с переполняющим меня чувством восторга, я поддалась искушению прогуляться по осенним улицам. День выдался на редкость дивным.

Улицы Далиана дышали осенью. Клёны, высаженные вдоль тротуаров, пылали всеми оттенками багряного и золотого, сбрасывая свои листья на мощённую брусчаткой дорогу. Ветер, проносясь по узким улочкам, поднимал в воздух вихрь, создавая живописные миниатюры, которые тут же рассыпались, подчиняясь следующему порыву.

Дома выстроились в аккуратный ряд. Их кирпичные фасады украшали резные балконы, увитые плющом, уже тронутым осенней позолотой. В окнах мерцали огоньки, намекая на уют и тепло, царящие за стенами. Чугунные фонари отбрасывали причудливые тени на тротуары.

В воздухе витал пряный аромат опавших листьев, сме-

шанный с запахом свежеиспечённого хлеба из ближайшей булочной. Звуки города были приглушены: цокот копыт лошади, везущей экипаж, тихий разговор прохожих, звон велосипедного звонка. Всё это создавало неповторимую симфонию тихой, размеренной жизни.

Проходя мимо цветочной лавки, я невольно замедлила шаг. Яркие хризантемы, астры и георгины, словно последние всполохи лета, притягивали взгляд. Владелица лавки, миловидная женщина в фартуке, приветливо улыбнулась, приглашая войти. Но я, всё ещё опьянённая предвкушением нового платья, лишь кивнула в ответ и пошла дальше, погружаясь в красоту осеннего Далиана.

Застыв у газетного киоска, я невольно вспомнила об отце, и сердце сжалось от тоски. Как они там, в дороге? Всё ли в порядке? Липкое, тревожное предчувствие начинало окутывать сознание.

Продавец, словно почувствовав мою растерянность, протянул мне свежий выпуск, уверив, что он только что из типографии. Автоматически расплатившись, подхватила пахнущую типографской краской газету и направилась в парк, где так любила сидеть на скамейке у озера в надежде, что тишина и гладь воды разгонят мрачные мысли.

Парк встретил меня прохладной осенней свежестью. Всё те же листья кружились в тихом танце, осыпаясь на влажные от росы скамейки и тропинки. Озеро, словно зеркало, отражало солнечное небо, и лишь редкие утки нарушали его спо-

койную гладь.

Я заняла облюбованную скамейку, чувствуя, как холодок пробирает сквозь тонкое пальто. Но с лица не сходила довольная улыбка, для хорошего настроения так мало надо — удачный шопинг и чудесная погода.

Неподалёку, на соседней скамейке, двое мужчин ожесточённо спорили, их голоса, полные тревоги, доносились до меня обрывками фраз. «...Карета вдребезги... ужасная трагедия...» Невольно прислушалась, пытаюсь понять, что произошло. Их взволнованные лица говорили о серьёзности случившегося.

В высшем обществе всегда нужно быть в курсе слухов и событий, творящихся не только в городе, но и в стране, иначе не удастся поддержать беседу на очередном банкете. Я часто, как болванчик, просто кивала на светских раутах, если была не в курсе новых сплетен и новостей.

Любопытство взяло верх, и я развернула свежий выпуск газеты. Тут точно об этом написано. Читая заголовки, я искала хоть какое-то упоминание о произошедшем. Очередные разговоры об изменах маркиза, политические колонки, реклама, и вот, внизу полосы, моё внимание привлекла небольшая заметка: «Трагическая авария за городом. Погибло семейство Малькольм. Владелец сети магазинов ювелирных украшений Дэниел Малькольм и его супруга Мари Малькольм погибли сегодня утром. По словам очевидцев, лошади, запряжённые в карету, внезапно понесли, перестав под-

чиняться кучеру. Экипаж на полной скорости вылетел с дороги и врезался в дерево. От удара супруги скончались на месте».

Мир вокруг померк. Имена, фамилия. Отец. Мама. Не может быть. Это какая-то чудовищная ошибка. Газета выпала из рук, и я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Липкое предчувствие, мучившее меня с утра, обрело ужасающую форму.

Это были они. Мои родители. И их больше нет.

Глава 1

Последнюю неделю я ощущала себя тенью, призраком – ни живой ни мёртвой.

Если бы не Гарриетт, я бы сгинула в том же пруду, едва осознав гибель родителей.

Помню, как сжимала газету в руках, ощущая, как обжигающие дорожки слёз прокладывают путь по щекам. Ненавижу плакать, но тогда... тогда сдержать этот поток отчаяния я была не в силах. Внутри – пустота, бездонная и леденящая.

Ослеплённая горем, я брела к озеру. Ветер, словно насмехаясь, терзал мои чёрные локоны, а шляпка, сорвавшись с головы, упала в воду, вспугнув лениво плавающих уток. Но я не дрогнула, не шелохнулась.

Потерянная шляпка – последнее, что пугало.

Всё это дурной сон. Это не может быть правдой.

Я смотрела на тёмную воду. Казалось, сама природа оплакивает потерю: солнце спряталось за пеленой туч, и сумрак окутал всё вокруг. Холодные капли упали на лицо – дождь это был или мои слёзы, я уже не различала. Водная гладь манила, звала.

Какой смысл влечить существование без тех, кто был мне дороже всего на свете? Ещё один шаг вперёд... И тут меня сбила с ног кудрявая Гарриет, рыдая и судорожно обнимая за плечи.

В этот миг мы чуть не скатились кубарем вниз.

– Госпожа, – всхлипывала она, – я всё знаю... Я...

Люди неодобрительно перешёптывались, качая головами. Наверное, все заметили, как я, аристократка, позволяю себе лишнее рядом с простой служанкой. Дрожащим и истеричным голосом я послала зевак к чёрту, вызвав шёпот, полный возмущения. Но мне было всё равно. Я чувствовала лишь дрожащие руки Гарриетт, вцепившиеся в меня, и слёзы, горячими каплями падающие на моё пальто.

Гарриетт делилась своим теплом со мной, но я ощущала себя ледяным трупом.

Как выяснилось позже, узнав страшную новость, она тут же помчалась на площадь, пару раз упав на каменные дорожки, разбив колени, но всё равно обежала весь центр города в отчаянных поисках.

Эта история вызвала тёплую улыбку в тот день. Ведь я не ощущала себя одинокой.

Благодарность к ней переполняла. В тот миг её отчаянный плач, её объятия вернули меня к реальности.

Я почувствовала не только свою боль, но и её.

Гарриетт, выросшая в нашем доме, любившая моих родителей, как родных, разделяла моё горе, принимала его на себя. И эта разделённая боль оказалась не такой невыносимой, как одинокое отчаяние, толкавшее меня в омут.

Я обняла её в ответ, крепко, словно боясь отпустить. Боясь остаться одной. И сквозь слёзы, сквозь боль, прошептала:

– Вместе. Мы справимся вместе.

Но я понимала, что лгу.

Её дрожащие руки, сжимавшие моё пальто, стали якорем, удерживающим меня от бездны.

Мы стояли так, обнявшись, под холодным осенним дождём, две потерянных души, нашедшие утешение друг в друге.

Когда меня привезли домой, я встретила взгляды потухших глаз прислуги. Каждый всхлип был как удар в сердце, каждая слезинка – отражение моей собственной боли. Мои родители... Они были не просто аристократами, нет. Для этих людей они были семьёй, дарующей кров и заботу.

Работать в нашем доме мечтали многие, зная о доброте и понимании, которыми славились мои отец и мать.

Мама постоянно приносила лакомства из самых модных кондитерских, чтобы разделить радость с прислугой. Отец же, чуткий и справедливый, мог внезапно повысить жалование или отправить кого-то в заслуженный оплачиваемый отпуск, уловив малейшую тень грусти на лице. Он словно предчувствовал чужую беду, принимая её как свою.

Их любили. Все. И я... Я любила их безмерно. Люблю. И теперь эта любовь разрывала меня изнутри.

Их больше нет. Это не просто слова. Это рана, которая никогда не затянется.

Каждый предмет в доме кричал о них. Кресло отца у камина, где он любил читать газеты, моё пианино в гостиной,

которое мне подарила мама... Всё это теперь – лишь безмолвные свидетели моей утраты, моей боли, моей бесконечной скорби.

Я смотрела на заплаканные лица вокруг и понимала, что не имею права сломаться. Я должна быть сильной ради них, ради родителей. Матушка, увидев бы меня сейчас такой, тут же дала бы подзатыльник, сказав, что от слёз и рыданий быстрее состарюсь и меня такую никто не возьмёт замуж. Отец бы пригласил на чай в свой кабинет и нежно погладил меня по волосам. Он любил так делать и считал, что подобный жест значит намного больше, чем пустые слова.

Очередной поток слёз подступил к глазам. Мне казалось, что в тот миг я спокойно могу выплакать целое море, а может быть, даже целый океан.

Помню, как дрожал мой голос, когда заговорила:

– Нам всем больно и тяжело. Так как я единственная наследница рода Малькольм, я беру управление поместьем и делами рода на себя. Мы должны оставаться сильными ради моих погибших родителей.

После этого на моё сознание опустилась пелена густого тумана. Я не помню оставшиеся дни. Подготовка к похоронам казалась изнурительным кошмаром, каждый шаг отзывался тяжёлой болью. Позже прибыли родственники со стороны матери. С мамой они давно потеряли связь, но одна лишь тётя Джози, с сочувствием в глазах, приехала поддер-

жать меня в этот невыносимый час.

Я едва соображала, что нужно делать, как организовывать, какие бумаги подписывать. Мир вокруг расплылся, обернувшись бесконечным, давящим гулом.

В голове пульсировала лишь одна мысль: мамы и папы больше нет.

Это казалось нереальным. Жестокой шуткой, от которой хотелось застрелиться.

Меня часто начали посещать жуткие мысли: а что, если прямо сейчас я спрыгну с балкона? Или как глубоко может войти нож в моё сердце? Зачем мне жить, когда их рядом нет?

Тётя Джози взяла на себя все организационные вопросы, давая мне выдохнуть. Она постоянно говорила со мной тихим, успокаивающим голосом, который хоть как-то помогал мне держаться на плаву. Она обнимала меня, если я начинала задыхаться от рыданий, и просто держала за руку в минуты, когда слова казались бессмысленными. В её глазах я видела такую же боль, такую же потерю, хотя они и не были так близки с мамой. Но она старалась понять... тяжесть моей осиротелости, пустоту, образовавшуюся внутри.

Больше всего я боялась ночи. В часы, когда приходилось оставаться одной в тишине поместья, где ещё витал мамин запах и был слышен хруст перелистывающихся страниц папиных газет, уснуть было невозможно.

Воспоминания волнами накрывали с головой, затопляя

меня горькими слезами. Джози оставалась рядом, сидела у моей кровати, рассказывала истории из маминого детства, такие, каких я никогда не слышала. Она делилась со мной своей любовью к маме, и это немного облегчало мою боль.

День похорон прошёл как в кошмарном сне. Я помню лица, помню цветы, помню священника, говорящего какие-то слова. Но я не чувствовала ничего, кроме оглушающей пустоты. Мне казалось, что часть меня похоронили вместе с мамой и папой.

После похорон Джози осталась ещё на несколько дней. Она помогла мне разобрать вещи, выбросить старое и ненужное, сохранить то, что было дорого сердцу. Она не давила на меня, позволяла оплакивать родителей в своём темпе. И за это я была ей бесконечно благодарна.

Когда тётя уехала, начался настоящий кромешный ад.

Словно стервятники, почуявшие добычу, бизнес-партнёры отца, владельца сети блистательных ювелирных магазинов, облепили меня со всех сторон. Каждый из них жаждал узнать, что я буду делать с бизнесом, в котором я, признаться, ничего не смыслила.

Меня никогда не интересовала работа папы, а он это понимал и не пытался меня ничему научить.

Сейчас же, растерянная и потерянная, я стояла в магазине «Наследие Малькольма». Понятия не имела, что делать дальше, как не предать память отца и удержать это хрупкое

наследие. Мне казалось, что я несу только беды.

«Наследие Малькольма»... Даже само название звучало как укор, ведь из всего рода осталась только я. Маленькая и глупая девчонка.

Хрустальные люстры роняли свет на бархатные подставки, демонстрирующие фамильные драгоценности. Каждый бриллиант блистал, словно осколок звезды, и я, глядя на них, видела только отражение своей собственной растерянности.

Аромат дорогих духов, которым всегда пахло от отца, теперь казался ядом. Всё здесь кричало о нём, о его таланте, о его отсутствии.

С трудом пробираясь сквозь строй безупречно одетых консультантов, увидела Дариуса Брукса – бессменного администратора отца.

Его лицо, украшенное морщинами, было для меня очень родным. Глубоко посаженные глаза, обрамлённые густыми поседевшими бровями, излучали спокойствие и понимание.

Помню, когда я была младше, он часто играл со мной и следил, чтобы я не попала в неприятности, когда приходила к занятому отцу на работу.

Это было давно.

На нём был безупречно скроенный твидовый костюм, слегка поношенный, но сохранивший аристократический лоск. Жилет, застёгнутый на все пуговицы, скрывал под собой, наверное, немало тайн.

Всегда считала его умным и загадочным человеком.

Из кармана его пиджака выглядывала золотая цепочка карманных часов, мерное тиканье которых, казалось, отсчитывало не только время, но и мудрость прожитых лет.

Я вспомнила, как отец подарил ему эти часы шесть лет назад, мы вместе выбирали их в каталоге.

Дариус Брукс был воплощением ушедшей эпохи, хранителем традиций и живым свидетелем взлётов и падений семьи Малькольм. Он был не просто консультантом, а скорее мудрым наставником, способным одним взглядом проникнуть в самую душу и найти слова утешения и поддержки в самый трудный момент. Его присутствие в этой пропитанной горем и воспоминаниями комнате было успокаивающим.

Сейчас же его лицо, обычно приветливое и спокойное, искажала тревога. Он аккуратно подошёл ко мне.

– Виолетта, я так вам сочувствую, – прошептал он, беря мою руку в свои прохладные морщинистые ладони. – Ваш отец... Он был великим человеком. И теперь...

Он замолчал, не в силах подобрать слова.

Я устала от этой фразы и испытывала раздражение, слыша её от неблизких для семейства людей. Они говорили это лишь из вежливости. Но после слов старика я ощутила всю его искренность, и мне стало легче.

– Господин Брукс, скажите мне честно, – мой голос дрожал, – что мне делать? Я совершенно не понимаю, как управлять всем этим.

В его глазах отразилась боль, словно он чувствовал мою

утрату как свою собственную.

– Знаете, вы больше похожи на своего отца, чем думаете. У вас его интуиция, его доброта. Не пытайтесь вести дела, если вам это неинтересно. Живите для себя, а не для ушедших душ.

Крепко сжала его руку, чувствуя, как сквозь мёртвый холм отчаяния пробивается росток благодарности. Может, не всё потеряно.

Всё потеряно. Я совершенно не представляю, как удерживать на плаву отцовский бизнес! Запертая в его кабинете, утопая в ворохе бумаг, с отчаянием вглядывалась в отчёты и договоры, но в голове лишь гудела пустота.

Как папенька со всем этим справлялся?

И словно этого было мало, этот мерзкий Томас Воклер осмелился прислать свадебные планы, требуя немедленного обсуждения! Свадьба... Может, сорвать её? Лично я давно мечтала разбить огромное самомнение этого индюка.

Измученно опустив голову на стол, погрузилась в пучину мрачных раздумий. Светский сезон... приближается. Теперь мне, а не маме предстоит организовывать эти бесконечные мероприятия.

Горечь и безысходность вырвались наружу тихим, полным отчаяния стоном:

– Как же мне вас не хватает...

Слёзы иссякли, но боль и тоска, казалось, навеки посели-

лись в моём сердце. Спустила целую вечность отчаяния и одиночества тишину пронзил робкий стук в дверь. Я подняла голову, в последний раз надеясь на чудо, и встретила взглядом с Гарриетт.

Спасение от муторной работы!

Я засияла.

Гарриетт, моя верная служанка с копной непокорных кудрей, вошла неслышно. В её глазах плескалось сочувствие, она, как никто другой, понимала, как мне тяжело. Ведь именно она таскала мне сюда литры кофе и микстур от мигреней, которые у меня недавно появились.

– Госпожа, к вам господин Дюбуа. Говорит, давний партнёр вашего отца по ювелирному делу. Приехал из самой Вальтории.

Вальтория? Отец? Слова отозвались эхом в пустой комнате, словно насмешка. Хотелось завывать волком и уехать куда подальше, желательно в место без навязчивых людей, но никак не работать.

Гарриетт подбадривающе погладила меня по плечу.

– Он ждёт в гостиной. Говорит, у него есть какое-то... предложение.

Предложение? Глаза мои закатились к потолку. О, эти непрошенные визитёры, мужчины, связанные с делами отца, неизменно являющиеся с пустыми, никчёмными проектами! Как же они утомили.

С трудом поднявшись, последовала за Гарриетт.

В гостиной, у камина, стоял высокий, статный мужчина. Элегантность его фигуры обличала давние годы процветания.

– Леди, – произнёс он с мягким, едва уловимым акцентом, – я Жан-Люк Дюбуа, старый друг и коллега вашего отца.

Холодно кивнув, я опустилась на диван. Ага, старый друг. Впервые вижу и слышу о нём.

– Переходите к делу, раз уж осмелились явиться без приглашения.

Мужчину, казалось, это ничуть не смутило. Мягкая усмешка тронула его губы.

– Сразу видно деловую хватку старого Дэниела. Он лично обучал вас искусству бизнеса?

Внутри вскипела волна гнева. Что за наглость! Ворваться в мой дом и теперь ещё и говорить об отце? Но Жан-Люк, словно прочитав мои мысли, тут же сменил тон.

– Я вижу, как падают продажи ваших магазинов. Вы не справляетесь, леди.

Он смеет упрекать меня? К чёрту светские приличия! Яростно вскочив, я сжала кулаки до побелевших костяшек. И плевать, что напишут в газетах! Пусть кричат заголовки: «Дочь и наследница рода Малькольм избила вальторийского предпринимателя в собственном поместье!»

Он же, словно каменный истукан, с непроницаемым спокойствием наблюдал за моей вспышкой гнева.

– Продайте бизнес, леди.

Что? Что он сказал?

Слова Жана-Люка, словно удар грома, оглушили меня. Продать? Предать память отца? Нет, этого не может быть! Ярость клокотала внутри, затмевая разум. Но сквозь пелену гнева пробилась тонкая нить отчаяния.

Он прав. Я не справляюсь.

Бизнес рушится как карточный домик, погребая под обломками мои надежды и будущее.

– Я предлагаю вам крупную сумму, леди Малькольм, – продолжил Дюбуа, словно не замечая моего душевного смятения. – Достаточную, чтобы вы могли жить безбедно до конца своих дней. И в качестве бонуса я готов предложить вам партнёрство. Вы будете получать немалые выплаты, процент от прибыли. Разумеется, всю основную работу и управление бизнесом возьму на себя я.

Слова Жан-Люка звучали как отличный план. Но я сомневалась. Буду ли я эгоисткой, если подумаю о себе? В голове всплыли слова господина Дариуса.

Посмотрела в глаза Жан-Люка, пытаюсь разгадать истинные намерения, но увидела лишь расчётливую деловитость. И всё же я не могла отбросить эту возможность.

С тяжёлым сердцем, полным горечи и разочарования, я произнесла:

– Я согласна.

Мой взгляд был прикован к пианино. Три долгие, мучи-

тельные недели я избегала его, словно прокажённого. Прикоснуться к клавишам значило выпустить на волю бурю чувств, с трудом загнанную вглубь. Я боялась, что хрупкая плотина моей сдержанности рухнет под первым же аккордом, обнажив всё.

Пальцы невольно потянулись к чёрной лакированной поверхности. Холод дерева отозвался ледяным покалыванием в кончиках пальцев. Я провела рукой по крышке, словно гладя уснувшего зверя. Зверя, который прежде был моим другом, моим утешением, моим собеседником в ночной тишине. Инструментом, через который лилась моя душа.

Которая сейчас еле живая копошилась внутри меня.

Вздых. Резкий, судорожный. Как будто вырвали кусок лёгкого. Я села за пианино. Пальцы дрожали, отказываясь повиноваться. На секунду я закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь, собрать себя по кусочкам. Вспомнить мамины руки, папину улыбку, их взгляды, полные нежности, когда они слушали, как я играю.

Робкий аккорд. Тихий, неуверенный. Он эхом разнёсся по комнате, нарушая звенящую тишину. Аккорд перерос в мелодию. Сначала неуверенную, сбивчивую, полную боли и печали. А затем, постепенно набирая силу, превратился в отчаянный крик души.

Музыка лилась из меня потоком слёз. Каждая нота – это осколок моего сердца, вырвавшийся наружу. Я играла, не обращая внимания на боль в пальцах, на застывшие слёзы на

щеках. Я играла, пока не иссякли силы. И только тогда я склонилась над клавишами, позволяя музыке унести меня в мир воспоминаний, в мир, где мы были вместе.

Я рвано дышала, тело била дрожь. Снова этот приступ... Желание провалиться сквозь землю, раствориться в небытии. И тут неожиданно раздался насмешливый голос за спиной:

– Ох, дорогая Виолетта, ты всё ещё тешишь себя этим нелепым хобби.

Внутри всё оборвалось. Дышать стало мучительно, словно в лёгких оказывался не воздух, а смог. Обернувшись, я увидела Томаса Воклера. Рыжий, лоснящийся от самодовольства улюдок взирал на меня своими пороссячьими глазками, словно я – вещь, его собственность.

За его спиной я увидела бегущую Гарриетт с охраной. Подняла руку, останавливая их. Не сейчас...

– Томас, какого чёрта ты забыл в моём доме?

Мужчина самодовольно ухмыльнулся и начал надвигаться, словно голодный хищник.

– А ты всё такая же дикарка. Я пришёл, потому что ты игнорируешь мои письма.

Я смотрела на него, скованная холодом, забыв о том, что щёки пылают, а на лице застыли слёзы. Он же, казалось, даже не замечал моего состояния.

– Ты ведь знаешь, что произошло в моей семье...

Голос дрожал от подавленной ярости. Знал! И даже не

удостоил своим присутствием на похоронах!

Томас равнодушно пожал плечами и вальяжно опустился на диван, где всегда сидел мой отец. Мерзавец, словно хозяин этого дома, закинул ногу на ногу. Осквернил память папы!

– И что? Это не повод игнорировать своего будущего мужа.

Ярость волной захлестнула сознание, оставив лишь пелену ненависти.

– Ты... ты мерзкий сукин сын!

Я взлетела с места, как сорвавшаяся с цепи фурия. Не помнила себя, не осознавала. Была лишь животная злоба. Помню, как мои тонкие, но сильные кулаки обрушивались на его лицо, как меня пытались оттащить. Ощущала чужую кровь, бьющую фонтаном из его разбитого носа.

Крепкие руки охраны оторвали меня от него, а успокаивающий голос Гарриетт едва доносился сквозь шум в ушах. Томас вскочил с дивана, брызжа слюной:

– Ты сумасшедшая сука! Совсем с катушек слетела!

И, словно крыса, сбежал прочь.

Гарриет крепко обняла, прижимая к себе, словно маленького ребёнка. Я уткнулась лицом в её плечо, позволяя рыданиям вырваться на свободу. Они душили изнутри, разрывая на части.

Сдерживаться больше не было сил. Я не хотела, не могла больше контролировать себя.

Как он посмел? Как он вообще посмел войти в этот дом, осквернить его своим присутствием? Здесь каждый уголок пропитан любовью, памятью о моих родителях. Он же принёс лишь грязь. Его слова как яд, разъедающий изнутри. Будущий муж... даже мысль об этом вызывала тошноту. Он видел во мне лишь выгодную партию, средство для достижения своих целей. Ему плевать на мои чувства, на мою боль.

Я отстранилась от Гарриетт, взглянула на свои дрожащие руки, испачканные кровью этого... придурка.

– Даже кровь его выглядит омерзительной.

Разумеется, наутро газетные заголовки вопили о моём помрачившемся рассудке, вызванном утратой родителей. Я равнодушно усмехнулась, просматривая газетную полосу. Меня забавляло, что я думала о кричащем заголовке именно тогда, когда пришёл Жан-Люк.

Как ни странно, но я была удовлетворена своим поступком. Осознание того, что я сломала нос этому козлу, доставляло мне блаженное удовольствие.

Но, как и ожидалось, тень слухов легла не только на меня, но и на поместье: репутация моя была безнадёжно загублена. И пусть слуги, знавшие истинное положение вещей, хранили молчаливую верность, светское общество, словно стая голодных гиен, готово было разорвать меня на части.

Приглашения на балы и рауты иссякли, двери салонов и чаепитий захлопнулись передо мной. Отрадой было лишь

одно: дело отца – в надёжных руках. Жан-Люк, судя по отчётам, и впрямь приумножил доходы.

Потягивая чай в гостиной, я размышляла о путях дальнейших. Хотелось отдохнуть где-то далеко. Может быть, уйти в лес и стать отшельником?

Словно в ответ на мои мысли возникла Гарриетт, держа в руках небольшую коробку.

– Госпожа, констебль передал вам уцелевшие вещи ваших родителей, найденные на месте трагедии.

Превозмогая боль, я приняла коробку. Кивнув служанке, давая понять, что хочу побыть одна, я открыла её.

Внутри лежали немногочисленные вещи: монетница отца, сломанные часы матери, её любимый шёлковый платок и небольшая, исписанная рукой папы записная книжка. Сердце забилося с сумасшедшей скоростью. Осторожно открыла книжку, стараясь не повредить страницы.

Записи в дневнике представляли собой хаотичный калейдоскоп: цифры, имена, короткие фразы обрывались на полуслове, словно внезапно прерванные. Из глубин дневника небрежно выглядывал конверт – письмо с завещанием. Сердце подсказало, что это ключ. Вскрыв печать, увидела знакомый почерк. Поместье Эвермур... то самое родовое гнездо, доставшееся отцу в наследство от дальней родни, то самое место, куда они направлялись в роковой день аварии.

– Поместье Эвермур...

Идеальное убежище. Маленький неизвестный остров,

незнакомые люди и тишина. Это шанс исчезнуть, спрятаться от Томаса, от светских сплетен, от собственного отчаяния. Но что, если остров окажется хуже? Что, если я променяю золотую клетку на каменный мешок? Комкая в руке завещание, я осознала: теперь я – его полноправная владелица.

– Гарриетт, собирай мои вещи, – сказала я, и голос мой звучал ровнее, чем я чувствовала. – Я отправляюсь в Эвермур.

Потому что другого выхода у меня нет.

Поднятая суета вокруг моего отъезда казалась чрезмерной: за помещьем и слугами приехала присматривать тётушка Джози, а Гарриетт закатила настоящую истерику, умоляя не покидать дом. Но вот после двух дней тряски в карете и практически недели мерного покачивания на корабле я наконец-то прибыла на место. Встречай меня, остров Дальри.

Глава 2

Вещей я взяла немного, наивно полагая, что в городе смогу раздобыть всё необходимое. Но какое же горькое разочарование пронзило меня, когда, подплывая к острову, я увидела город, словно сошедший со страниц мрачного готического романа.

Хоть какие-нибудь лавки там вообще найдутся?

Пять дней корабельной качки убедили меня в одном: я ненавижу корабли. Это было моё первое плавание, и меня нещадно укачивало. К моему счастью, корабль оказался вполне неплохо обустроенным, а каюта – на удивление комфортной. Все пять дней я тщетно пыталась не умереть от мигрени и тошноты, а в моменты затишья старалась извлечь из себя хоть одну ноту для новой композиции и перенести её на бумагу. Но музы мои, видимо, умерли вместе с родителями.

Порт встретил меня свинцовым небом и промозглым ветром. Я окинула взглядом окрестности.

Скрипучие, покосившиеся домишки Дальри жались друг к другу, их кривые крыши, похожие на переломанные зонтики, нависали над узкими, извилистыми улочками, заставляя чувствовать себя муравьём, затерявшимся в лабиринте.

М-да, Далиан казался просто райским местечком по сравнению с этой адской глушью.

По коже пробежали мурашки. Крепче сжав ручку чемодана, двинулась дальше.

Доски причала, заросшие склизкими водорослями, будто стонали под ногами. Мне казалось, они умоляли избавить их от вечного мучения.

В гавани плескалась мутная, чернильная вода, в которой, словно в кривом зеркале, отражались силуэты кораблей с мачтами-паутинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.